

Материнское сердце

1

Не знаю, откуда пришла ко мне эта история. Может, приснилась. А может, я увидела её в глубине древней реки. Сидела на берегу, смотрела в воду и разглядела картины начальных времён.

Друг за другом плыли они мимо меня, словно кто-то в верховьях отрывал календарные листки от конца к началу. Всё более ранние, сказочные полотна проходили перед глазами. Меж ними привиделась эта, давняя.

Кому, кроме реки, помнить такую старину?..

С той стороны, куда убегает день, пришли в наши леса люди. В дремотных чащобах по рекам и родникам семьи сначала обживались порознь. Утаивались поглубже, боясь лиходейства. А чтоб сообща жить – того не было.

Поселилась в глухом распадке Мать с детками. Муж её умер, оставив после себя топор да меч.

Все заботы о ребятах женщине достались. Не топор бы ей с мечом, но что делать, если более некому. На охоту одна ходила, по грибы-ягоды, орехи да лечебно-травье – вместе с детьми. Жили они ладом, друг о дружке пеклись.

А неподалёку, в пещерных потьмах кряжистых гор, маялся крылатый змей. Все подземные каверны и лабиринты он уж сто раз обошёл, богатства сосчитал, во всех целебных ключах исплескался и теперь содрогал окрестные скалы тоскливым рёвом.

Надоела ему жизнь пополам со скукой. Поднялся на крыло и пустился низким лётком над таёжной загустью подругу себе высматривать. Понравилась ему старшая дочка Матери. Мог бы не спросясь умыкнуть – не стал, покуражиться решил. Подлетел к женщине, рычит:

- Отдай дочь за меня.

- Нет, - отвечает родительница. - Ты – змей, она – человек. Уморишь её в своих каменных чертогах.

- Тогда я меньших твоих детей изведу.

- Погоди малость. Дай обмыслить, - просит Мать.

- Думай день, - согласился змей и назначил привести невесту завтра на скалу, где солнце, оцарапавшись о кремнистый пик, каждый вечер кровь проливает.

Женщине о чём думать? Нельзя детей отдавать – и всё тут. Решила биться со змеем; да так, чтоб победить.

Опустилась она на колени, приложила ладони к земле, просит:

- Родная земличка, никогда я тебя не обижала: твоего брала только в надобу, а не сверх меры, - тем жила и детей так учила. Дай силы для схватки.

Земля дала.

Поклонилась ей Мать и пошла на скалу, ту, куда завтра велено дочь-кровиночку привести. Подняла руки кверху, взмолилась:

- Небушко высокое, око вездесущее! Что ни посылало ты – всё принимала я без ропота и стога; за всякую милость благодарила. Пошли мне отваги в завтрашнем бою.

Небо послало.

Спустилась Мать с гор уже в сумерках. Обратилась напоследок к лесу и реке:

- Берегите детей. Если погибну – вскормите, вспоите вместо меня...

Прошелестела река, прошумели сосны, что согласны.

Только заря занялась, женщина к логову взошла, змея на бой выкрикивает.

Тот обрадовался: какая-никакая, а всё ж забава.

Стали биться: Мать – за детей, вражина - за прихоть.

Поначалу он вчетверть силы махался. А как соперница пошелушила ему чешуи на брюхе, так понял, что пора всерьёз драться. Давай семииглым хвостом отхлещивать. Воительнице несладко, но удары держит.

Видит крылатый, что не может в честной схватке победить, захитровал: стал когтями о гранит чиркать, искры высекает.

Мать щурится, рукой заслоняется, разит вскользь. И змей уставать начал (на неправое дело охота иссякла).

Случилось, что ударили они впоследствии разом и рухнули замертво.

Из рассечённой груди воительницы выпало сердце и замерцало рядышком.

Земля погибших прибрала, помин оставила: обратила змеину чёрным валуном, а женщину – цветущей вишней. И сердце меж корней укрыла.

Ждали дети, высматривали родительницу, - нет как нет. Пошли искать. Всю чащобу избродили, на отроги вздымались. Лишь в сумерках на высокой скале у чёрной глыбы набрали на вишнёвое деревце. Старшей дочери показалось странно, что оно летом цветёт. Обошла вишенку, видит: меж корней что-то светится. Наклонилась – алое сердце трепещет! В руки-то взяла, сразу матушкино тепло и узнала! Поняла, что той в живых нет.

Малышам любопытно диковину в руках подержать, а старшая украдкой слёзы вытерла, ничего меньшим не сказала.

Взяли они сердце и росли возле него, как возле костра. Жили дружно, работали споро. Лес ребят кормил, речка поила - как Матери обещали.

Из глухоманей на сердечный свет потянулись люди, и стали поблизости селиться. Дети всех привечали, а если кому огонька надо – сердечного кусочка не жалели, отламывали. И вот чудо: наутро оно опять целёхонько, лучится ярче прежнего! Далёко видно...

Так и раздалось вдоль реки большое селение, на другой берег перекинулось. Подальше – ещё сколько-то деревень взросло, каждая с сердечным осколочком.

Одно за другим, дальше и дальше закладывались селения. На великое таёжное раздолье до голубоглазой тундры, до мглистых морей материнского сердца, её отваги да силы хватило...

К слову сказать, вишенка та на горных неудобьях не выкрепла. Так тощенькая, в три веточки, и осталась. Дрожит в ненастье, гнётся под холодными ветрами - но каждый год к лету цветами покрывается.

2

У одной селянки, Любушки, сынок был. Единственный. Растила его мать – наглядеться не могла: русые кудри вокруг румяного лица, справа на лбу – родинка-звёздочка. Бровью поведёт – метинка так и играет, только что не светит. Мать на неё молилась.

Вырос молодец смышлён да умел. Стало ему в родной деревне скучно. Пошёл по свету лучшей доли искать.

Проводила Любушка своё сокровище до деревенской окраины. Обняла, перекрестила, в дальних весях родной дом и себя помнить наказала. Постояла на взгорочке, посмотрела вслед, домой вернулась...

Год прошёл, другой пролетел. Любушке ни одного ясного денька не выпало: сын канул, точно солнышко закатилось.

Вот как пять лет разлуке сравнялось, не выдержала мать, пошла искать кровиночку.

По лесам, болотинам пробиралась, сто сёл да городов из края в край перебрела. Кого ни спросит – никто сынка не видал.

Исхудала странница, обносилась, и если бы не добрые руки, не надежда в сердце – пропала бы давно.

Шла однажды Любушка по просёлку. Смерклось, отдохнуть бы надо. Видит странница, впереди избёнка темнеет. Попросилась в ту избу ночевать.

Вошла, едва разглядела в потёмках: у окна старушка сидит.

- Добрый вечерок, бабушка, - поздоровалась пришелица.

- Это тебе каждый вечер добрый, а мне время помирать настало. Совсем обессилела. Дров не собираю, огня не разведу.

- Так я помогу! - воскликнула Любушка. – Найдётся у тебя уголёк али свечечка?

- Нет ничего.

Пожалела Любушка хозяйку, а и помочь кроме душевного тепла нечем. Отломила она частичку сердца и сунула в печь. По двору пометалась, дровец отыскала, щепы налучила, огонь развела. Бабушку на печь косточки отогреть посадила.

Утром собралась уходить, а старушка ей говорит:

- Погоди, голубка! Спасибо за помощь, но куда ж без сердца? Я-то не заживусь на белом свете; мне твоего тепла крошка надобна. Скажи, как тебе кусочек вернуть?

Подумала Любушка и говорит:

- Отдайте тому, у кого родинка над правой бровью.

Пошла дальше. Показалось, то ли дорога ухабистой стала, то ли сил убавилось. В лесу малость полегчало: тишь, прохлада, тропы мягкой хвоей усыпаны – ноги как в облаке.

Вдруг слышит: плачет кто-то. В ольховнике двое ребяташек, брат с сестрой, друг к дружке жмутся, дрожат.

- Что вы, деточки, тут делаете? – спрашивает скиталица.

- За грибами ходили, с дороги сбились. Домой хотим.

Любушка раздумывать не стала, отломочек сердца детям протянула. Скатился он с ладони, петушком обернулся, кукарекнул, точно позвал, и меж сосен побежал. Женщина говорит:

- Ступайте за ним, он вас к жилью выведет.

- Спасибо, тётяшка. Только как мы осколок тебе вернём?

- Отдайте тому, у кого на лбу метинка-звёздочка.

Брела Любушка дорогами и тропами, по тенистым борам и душистым лугам, по песку и медвяноросью. Не было у неё прежней силы, только тоска по сыну и помогала двигаться вперёд. Устала бедняжка, в берёзовой роще к стволу привалилась. Подходит к ней нищий старец.

- Что, милая, стоишь? – спрашивает.

- Устала я, дедушко. Сына ищу. Может, ты встречал? У соколика моего родинка над бровью, - рассказала женщина.

- Нет, голубушка, не видал. Мне бы водички испить, я бы дальше пошёл, может, и встретил его где.

Странница последний кусочек ему в руки вложила, шепчет:

- Возьми, старче, испей.

Старик посмотрел и ахнул: в пригоршне водица! Припал губами, напился, а на ладони опять клочок сердца трепещет. Хотел женщине его обратно отдать, да она уж не дышит.

И тут чудо: бездыханная странница берёзкой обернулась! Стоит, листочками шелестит, словно сказать хочет. Подивился нищий, поклонился деревцу до земли и пошёл путём- дорогой.

Задумал старик найти Любушкиного сынка. Нельзя чужое сердце при себе держать; надо бы парню отдать.

Ходил старец, к людям присматривался, про молодца спрашивал.

Осень прошла, зима навалилась. Люта была, да и она отступила. На исходе холодов повстречал старец того, кого искал.

- Не ты ли сын Любушкин? – спрашивает.

Тот вздрогнул, отвечает, чуя недоброе:

- Я, дедушко. Дело у тебя, что ли, какое? Весточка ли от мамы?

- Весточка не весточка, а сказать есть что.

Поведал ему старик обо всём, что от женщины слышал и что видел. И трепещущий кусочек молодцу отдал.

Заплакал сын, спрашивает:

- Как же, старче, мне берёзку отыскать?

- Тут я тебе не помощник. Сколь пройдено, не припомню, места того не узнаю. А вот советом моим не побрезгуй. Пойдёшь мать искать – всем в пути помогай, не жалея сердца, как она не жалела. Пусть тебе её памятка да сыновья любовь сил прибавляют.

Положил молодец матушкин осколок за пазуху и пошёл заветное деревце искать. Всюду, где привечали, про мать спрашивал.

В одной деревне он вдове плетень поправлял. А старшая дочка её глядела, глядела и говорит:

- У меня, дяденька, подарок тебе есть, - и Любушкин отломок протянула.

Рассказала девочка про то, как незнакомая женщина петушком его обратила.

Кусочки-то сразу в один слились, засветились. Молодец за работу денег не взял, пошёл дальше. Туго пришлось бы в дороге, если бы не материнское сердце. В холода грело, в унынии бодрило, в безнадее веры и сил придавало.

На хуторе парень столетней старухе дрова колот. Та ему сбережённую сердечную частицу отдала, объяснила, что наказ доброй незнакомки исполняет. И третий кусочек к первым двум как родной подошёл. Пристроил парень его на груди.

Налились силушкой плечи, закипела кровь. Пошёл Любушкин сын дальше. Всем помогал, кто попросит, никому не отказывал...

Привела его дорога к берёзовой рощице. Непростой, видать, потому что томительно на сердце сделалось, так грудь огнём и жжёт. Стал он берёзки обходить, по веточке надламывать, сок пробовать. У всех вкус одинаковый, чуток сладковатый, только у одной солёным оказался. Всё понял молодец, упал перед деревцем, сердце в корни обронил, прощения просить стал. Молчит берёзка.

Поплакал сын и задремал. А проснулся – чувствует, кто-то его по голове гладит. Так ласково, так знакомо. Вскочил, видит: сидит рядом матушка, жива и невредима!

Обрадовались они встрече, обнялись и пустились в обратный путь. По дороге старика добрым словом поминали.

Издали заметил парень свою деревеньку, повеселел, понял, что лучше родного дома, ближе матери никого и ничего у него нет, и не будет.

...Осталось только на своей сторонюшке пригодиться.